

Температура в главной спальне поднялась еще выше, вызывая у Тун Цинхэ иллюзию кислородного голодания.

Но это ощущение было слишком реальным. Его глаза, от какого-то неописуемого возбуждения, наполнились слезами. Крупные капли катились по щекам и впитывались в простыню. Ноздри учащенно двигались. Тун Цинхэ не мог понять, был ли Цзян Шаочжи перед ним голографической иллюзией или этот человек действительно вернулся.

У него не было времени на раздумья. Выделяющиеся феромоны делали его тело невероятно чувствительным и хрупким, превращая его в бессильную рыбу, которая барахталась в ладонях Цзян Шаочжи. У него не было сил даже сопротивляться.

Он коротко вдыхал, краснота вокруг его глаз становилась все глубже. Взгляд Цзян Шаочжи был медленным и глубоким. В этот момент Тун Цинхэ не мог описать свои ощущения.

Он был похож на жертву, лежащую на кровати. На самом деле никого не было рядом, но каждое дыхание Цзян Шаочжи, его температура и прикосновения — все это передавалось его нервам с невероятной четкостью.

Едва справляясь с эмоциями, он восхищался высокотехнологичностью голографического коммуникатора, но тут Тун Цинхэ заметил мелькнувшее в глазах Цзян Шаочжи недовольство. Его голос и реакция тела вышли из-под контроля. Тун Цинхэ тихо взмолился, выглядя особенно жалко:

— Дядя, так нельзя.

Он услышал, как Цзян Шаочжи сдержанно вздохнул, и тут же оковы с его рук и ног спали. Под пристальным взглядом Цзян Шаочжи Тун Цинхэ без сил лежал на краю кровати, тяжело дыша.

Цзян Шаочжи оставался невозмутимым. Этот Альфа лучше всех знал, как воздействовать на внутренние желания Тун Цинхэ. Он ждал, пока Тун Цинхэ сам попросит. Он не давил и не настаивал, просто спокойно ждал, уверенный в своей победе.

Когда Тун Цинхэ злился, он видел его молчаливое ожидание и не мог выплеснуть свою злость. Если он не заговорит, Цзян Шаочжи действительно будет ждать, как статуя. А когда он начнет атаковать, он снова будет другим.

Тун Цинхэ перевел дыхание, почувствовал, что лежит, раскинув руки и ноги, и инстинктивно свернулся, как ежик, прося Цзян Шаочжи не смотреть.

Они так долго не виделись. Даже эти манипуляции через коммуникатор, зная, что все это иллюзия, заставляли сердце Тун Цинхэ биться чаще.

На лице Цзян Шаочжи появилась легкая улыбка. Он наклонился и взял его за лодыжку,

которая свисала с кровати. Легким движением он создал у Тун Цинхэ иллюзию, будто его тянут к себе.

Его голова была в тумане. Он пытался выдернуть ногу, но жаждал тепла, которое ощущал на своей коже. Его зависимость от Цзян Шаочжи была безнадежной. Даже эта иллюзорная нежность была желанна.

Думая об этом, Тун Цинхэ зарылся лицом в одеяло, а нога сама собой потянулась к Цзян Шаочжи. Ему было стыдно, но он ни за что не стал бы прерывать связь.

Цзян Шаочжи не удержался от смеха и выполнил его желание. Теплая ладонь медленно скользнула вверх. Поскольку Тун Цинхэ ничего не видел, его охватил приступ тайного смущения.

Он чувствовал, что слишком сильно хочет Цзян Шаочжи. Он был готов сотрудничать, даже совершая такие бесстыдные поступки.

Нарастающее тепло постепенно ушло. Тун Цинхэ с недоумением поднял свои влажные глаза. Его черные ресницы дрогнули. Когда Цзян Шаочжи отстранился, Тун Цинхэ, чувствуя тревогу, сам подвинулся на несколько сантиметров вперед:

— Дядя?

Цзян Шаочжи сидел на краю кровати. Тун Цинхэ попытался дотронуться до него ногой, но не смог. В воздухе осталось лишь реалистичное тепло.

Тун Цинхэ сел, быстро пополз вперед. Его движения вызвали глубокое изменение во взгляде Цзян Шаочжи. Он смотрел на него, как бездна, тихо, и у него дернулся кадык.

— Тун-Тун, — голос Цзян Шаочжи был хриплым. Он хотел просто немного утешить своего Омегу, но Тун Цинхэ так сильно ему помогал.

Коммуникатор идеально реалистично проецировал каждое их движение. Искренность Тун Цинхэ заставила Цзян Шаочжи, который обладал невероятной самодисциплиной, немного потерять контроль. Даже через коммуникатор ему хотелось что-то сделать со своим Омегой.

— Не ползай.

Омега, голый, как ягненок, был прямо перед ним. Цзян Шаочжи отвел взгляд и услышал, как Тун Цинхэ обиженно промямлил. Он подумал, что лучше утешить его и подвинуться обратно. Его глаза не двигались. Он не мог пошевелиться.

Тун Цинхэ послушно прижался к нему. Расстояние было всего несколько сантиметров. Горячий

воздух, смешанный с феромонами, обдал его лицо. Он протянул руку, и прикосновение было нежным и мягким, словно он зачерпнул горсть молока.

Цзян Шаочжи и Тун Цинхэ одновременно издали глухой стон. Цзян Шаочжи хрипло произнес:

— Сначала оденься.

Тун Цинхэ небрежно обернулся одеялом. Оно было небрежно накинуто, открывая одну ногу, что выглядело очень соблазнительно.

Человеческую плоть невозможно скрыть. Цзян Шаочжи внимательно посмотрел на открытую икру, вздохнул и захотел укрыть ее под одеялом.

Тун Цинхэ спросил:

— Когда ты вернешься? — И добавил: — Скоро Новый год.

Цзян Шаочжи сказал:

— Скоро.

Тун Цинхэ поджал губы и, что было для него редкостью, не поверил Цзян Шаочжи, сказав:

— Врешь.

Цзян Шаочжи не знал, что ответить.

Тун Цинхэ не лгал. Послезавтра Новый год. Его Альфа не дал никаких новостей о возвращении, и задание было совсем недавно. Как он мог ему поверить?

Тун Цинхэ не верил, но не злился, хотя и чувствовал обиду. В конце концов, он только что воспользовался голографическим коммуникатором. Он вытянул шею и, словно вспоминая, сказал:

— Ты должен всегда носить этот голографический коммуникатор с собой...

Взгляд, полный воспоминаний, поднял настроение Цзян Шаочжи:

— Нравится?

Тун Цинхэ отвел взгляд, подумав: «Очевидно же».

Он так сильно по нему скучал.

Цзян Шаочжи не стал с ним спорить, наклонился и поцеловал Тун Цинхэ в глаз:

— Жди меня.

Цзян Шаочжи сказал: «Жди», и Тун Цинхэ впервые не поверил ему.

На следующее утро, проснувшись, он увидел, что за окном все белое. Снег шел всю ночь, и на улице все было покрыто серебром, а на земле образовался слой льда.

Домработница, водитель и Цициу рано утром вышли с лопатами, чтобы расчистить снег и лед у входной двери. Тун Цинхэ съел несколько кусочков теплого завтрака. Он вдруг вспомнил о прошлой ночи. Если бы не легкая слабость ниже пояса, Тун Цинхэ подумал бы, что это был сон.

Он огляделся. Никого. Он, прикрыв лицо рукой, тихонько проскользнул наверх, забежал в спальню, сунул голографический коммуникатор в карман, а затем, как ни в чем не бывало, взял из кладовки лопату и присоединился к команде по уборке снега и льда.

Домработница громко закричала и велела Цициу проводить его обратно в дом, беспокоясь, что он поскользнется.

Тун Цинхэ крепко держал лопату и не хотел уходить. Цициу преследовал его, и он нарочно обходил его, пока не дошел до входной двери, где услышал приветствие охранника.

Утренние снежинки легко падали, оседая на ресницах. Глаза Тун Цинхэ дрогнули. Он широко раскрыл глаза, глядя на входящего в ворота человека, и ахнул, не веря своим глазам.

Он нерешительно хотел подойти, но не смел сразу сдвинуться с места:

— Дядя?

Цзян Шаочжи даже не успел снять свою экипировку. Его военные ботинки ступили на лед. Он схватил Тун Цинхэ и, отбросив лопату, обнял его.

Тун Цинхэ инстинктивно обнял Цзян Шаочжи за шею, увидел, как трое человек в саду, убирающих снег, приближаются, покраснел и хотел слезть с рук Цзян Шаочжи.

Он тихо спросил:

— Почему ты вдруг вернулся?

Цзян Шаочжи спокойно посмотрел на него и улыбнулся. Он легко вытащил из его кармана торчащую половину того, что они использовали прошлой ночью — голографического

коммуникатора.

Цзян Шаочжи жестом предложил ему посмотреть. Тун Цинхэ открыл его. И правда, там было его последнее сообщение.

Ноги, обхватившие талию Альфы, напряглись. Тун Цинхэ, покраснев, сказал:

— Опустите меня.

Цзян Шаочжи не отпустил его, а отнес прямо в дом.

Как только они поднялись наверх и дверь в спальню открылась и закрылась, Цзян Шаочжи прижал Тун Цинхэ к стене, снял с пояса оружие и ножи, притянул его к себе и, посмотрев на него еще раз, не обращая внимания на свой запах, крепко поцеловал Тун Цинхэ, взяв за подбородок.

Тун Цинхэ почувствовал холод на плече Цзян Шаочжи. Тонкий слой снега таял, его руки были мокрыми.

Цзян Шаочжи укусил его за губу. Он прижал палец к мягкой губе, погладил ее и снова поцеловал.

— Я вернулся.

Они не виделись почти два месяца. В Новый год не должно быть недостающих.

Тун Цинхэ ждал Цзян Шаочжи. Глубина его обиды и восторга была соизмерима долгому ожиданию.

Он сказал:

— Зачем вернулся?

Цзян Шаочжи тихо улыбнулся, положил коммуникатор на полку, взял Тун Цинхэ на руки и, не торопясь, ловким движением начал расстегивать их одежду.

Едва надетая одежда падала на пол одна за другой. У Тун Цинхэ не было возможности обернуться. Раздался всплеск. Теплая вода хлынула ему на спину.

Его все еще ослабевшая спина вздрогнула. Цзян Шаочжи быстро смыл с себя пыль. Он повернулся и схватил человека, который пытался убежать в сторону.

В ванной комнате была занавеска. Снег падал на окно. Снаружи было туманно, видимость была слабой, но все еще можно было что-то разглядеть.

Тун Цинхэ поспешно обнял Цзян Шаочжи:

— Ты только что вернулся...

Цзян Шаочжи развел его руки и ноги:

— Сразу после нашего разговора. Я ждал этого момента.

И добавил:

— Давай повторим то, что мы делали в коммуникаторе.

<http://bllate.org/book/4/133>